

РАЗВЕДКА

41го

ГЛАВА 1

Жгучая боль в предплечье немного утихла, и раненый открыл глаза. Он увидел склонившееся над ним лицо врача. Видимо, врач уже некоторое время звал пациента, но тот только сейчас пришел в сознание.

— Ефрейтор Кнехт! Вы меня слышите?

Раненый с трудом разлепил губы и произнес:

— Да, доктор, теперь слышу. Что у меня с рукой? И вообще, что со мной? Может, меня еще куда ранило? Ведь я ничего не помню.

— Успокойтесь, Кнехт. Согласно рассказу санитаров, которые вас сюда доставили, вас ранили при выполнении боевого задания: вы тянули провод на передовую, когда внезапно появились русские и открыли огонь. Я осмотрел и перевязал рану. Она не очень опасная, пуля прошла навывлет, кость не задета. Других ран у вас нет. Так что лечение не должно занять много времени. Полежите у нас дней пять, и я вас выпишу. Можно считать, что вам повезло: говорят, в том районе, где вы сражались, идут очень тяжелые бои.

— А где... где меня ранили? Я что-то плохо соображаю...

— Вас доставили из-под поселка Зимовники. Говорят, там русские рвутся вперед, как дьяволы.

— А где я, собственно, нахожусь?

— В госпитале, Кнехт, в военном госпитале. Вы находитесь в Ростове, в третьем госпитале группы армий «Дон». Чтобы покончить с дальнейшими вопросами, скажу, что меня зовут Гюнтер Вольф, я ваш врач. А теперь отдыхайте, поправляйтесь.

Доктор на прощание потрепал своего пациента по другому, здоровому, плечу и поспешил к следующей койке. «Да, повезло этому ефрейтору, — размышлял он. — Говорят, там, под Зимовниками, была настоящая мясорубка, за сутки погибли никак не меньше пятисот человек. А сколько оттуда поступило к нам раненых! И каких тяжелых! Без рук, без ног, с большой порцией крови... А парню только плечо прострелили. Можно сказать, что он в рубашке родился. Ранили его легко, а между тем он получит медаль «За храбрость». Да, на поле боя он вел себя героически и заслужил награду. И ему действительно повезло...»

Если бы доктор Вольф каким-то чудом смог бы узнать, о чем думает в эту самую минуту связист Эрих Кнехт, он бы, наверное, решил, что сошел с ума. Потому что храбрый немец-

кий связист думал о том, что первый этап операции, запланированной начальником фронтовой разведки Южного фронта Советской армии полковником Уколовым, прошел успешно. Этот этап предусматривал внедрение капитана Глеба Шубина во вражеский тыл. Теперь он находится в глубоком немецком тылу, в палате 3-го госпиталя и занимает законное место на койке. Только одно беспокоило капитана Шубина: слова врача о том, что его лечение пройдет довольно быстро, и через пять дней его выпишут из госпиталя обратно в свою часть, на фронт. «Если бы меня еще кто-нибудь ждал там, в этой части, — думал Шубин. — А то ведь они очень удивятся, если им скажут, что у них есть такой связист-ефрейтор. И попросят гестапо разобраться, откуда такой связист взялся. И вообще: пять дней мне явно мало, чтобы выполнить задание полковника Уколова и самого командующего Южным фронтом генерала Еременко. Так что мне надо придумать, как здесь задержаться...»

Но каким же образом капитан Красной армии Глеб Шубин превратился в ефрейтора германского вермахта Эриха Кнехта? И как этот лже-ефрейтор попал в госпиталь? Это была целая история, в которой принимали участие множество людей из фронтовой разведки и не только из разведки...

...В конце декабря 1942 года Шубин, довольный и счастливый, вернулся из Сталинграда на фронт. Он вернулся из отпуска, который ему дал начальник фронтовой разведки полковник Уколов. А отпуск стал для Шубина наградой за отлично выполненное задание командования, за сведения, доставленные из немецкого тыла, за ряд диверсий, проведенных в этом тылу. Во многом именно благодаря усилиям Шубина и его боевых товарищей была сорвана операция вермахта «Зимняя гроза», и войскам фельдмаршала Манштейна так и не удалось соединиться с окруженной в Сталинграде 6-й армией Паулюса.

Итак, Шубин вернулся на фронт, предполагая, что сейчас его пошлют в новый рейд куда-нибудь в Зимовники или в Волгодонск, чтобы собирать оперативные сведения в ближнем немецком тылу. Однако в помещении штаба фронта, отведенном для разведчиков, куда Шубин явился, его ожидал не только командир фронтовой разведки полковник Уколов, но и начальник штаба фронта полковник Семенов, и сам командующий фронтом генерал Еременко.

— Ну, что, Шубин, отдохнул? — спросил его Уколов. — Если отдохнул, то смотри сюда, на карту, и слушай. Будем тебе новое задание ставить.

Он подошел к висящей на стене карте, на которой был изображен весь Северный Кавказ, и стал объяснять.

— Как ты знаешь, мы отогнали немцев от Сталинграда. И теперь у нашего командования возник замысел еще более крупной операции. А что, если нам взять врагов в еще один котел, более крупный? Что, если окружить всю немецкую группировку «Юг», занявшую весь Северный Кавказ и старающуюся прорваться в Закавказье? Ведь для этого требуется занять только один пункт — Ростов-на-Дону. Или даже не сам Ростов, а его пригород Батайск. В таком случае мы прервем сообщение немцев со своими войсками на Кавказе, отрезав железную дорогу.

Указка Уколова уперлась в кружок Ростова, нарисованный в устье Дона, а затем переместилась севернее, к Батайску.

— Если мы возьмем Ростов или Батайск, то немцам деваться с Кавказа будет некуда — только по морю эвакуироваться, через Новороссийск. Но всю армию на баржах не вывезешь. Так что для Гитлера это будет еще одна катастрофа, почище Сталинграда. Вот почему Андрей Иванович, — тут Уколов покосился на командующего фронтом, — и выдвинул план по быстрому освобождению Ростова. Надо не дать немцам уйти! А для этого требуется наступать быстро, не давая им закрепиться на промежуточных рубежах.

А для такого быстрого продвижения что требуется?

— Конечно, полная информация о противнике, — ответил догадливый Шубин. — А значит, нужна глубокая разведка.

— Вот именно! — воскликнул Уколов. — Именно что глубокая! И проведение такой разведки мы поручаем тебе.

— Значит, мне надо готовиться к новому рейду? — с готовностью выполнить задание спросил капитан. — На сколько дней — на три? Или на пять?

Уколов, Семенов и Еременко переглянулись, и начальник разведки покачал головой.

— Нет, Шубин, — сказал он, — не на три и не на пять. Твое новое задание рассчитано почти на месяц. И проведешь ты этот месяц не на мотоцикле и не в лесу. Ты проведешь его на больничной койке, в относительно комфортных условиях.

Вот такого оборота событий разведчик совершенно не ожидал!

— Почему «на койке»? — спросил он. — И в какой больнице?

— Больница, естественно, будет немецкая, — ответил Уколов. — Точнее, это будет не больница, а военный госпиталь. И находиться он будет в том самом городе, который мы должны освободить, то есть в Ростове. Ранение у тебя будет легкое, ты сможешь ходить, гулять... А гуляя, бу-

дешь собирать информацию и с помощью радиации передавать ее сюда, в штаб. Все это очень удобно для целей разведки. Но есть в этом деле и один неприятный момент. Ты действительно будешь ранен. Правда, легко.

— И когда же меня ранят? — спросил Шубин. — При переходе фронта?

— Нет, фронт ты должен перейти вполне здоровым, — ответил Уколов. — А ранят тебя уже в Ростове, и сделает это твой товарищ по проведению операции, наш резидент в Ростове. Да, у нас в этом городе имеется свой резидент, глубоко законспирированный человек. Он выстрелит тебе в плечо, а затем снабдит всеми нужными документами и устроит тебя в немецкий госпиталь. Вопрос вот в чем: готов ли ты на такой риск, на боль, на страдания?

Шубину не нужно было долго думать, чтобы ответить на этот вопрос.

— Да, готов, — твердо ответил он. — Конечно, задание непривычное, но... все когда-то происходит впервые.

Тут, в первый раз с начала беседы, заговорил генерал Еременко.

— Молодец, Шубин! — сказал он. — Иного ответа я от тебя и не ждал. Но ты должен еще сейчас, находясь здесь, хорошо продумать все, что с тобой случится, все, что тебе предстоит сделать. Иван Трофимович тебе в этом поможет. Опера-

ция не должна сорваться ни в коем случае! Мы многого от нее ждем. Уяснил? Ну, теперь мы с Виктором Борисовичем вас оставим — своих дел много. А вы с Иваном Трофимовичем обговорите необходимые для выполнения задания детали.

Командующий с начальником штаба ушли, а два разведчика начали обговаривать детали предстоящей операции и готовиться к ней. Эта подготовка заняла пять дней. Уколов давал Шубину все новые вводные, а капитан должен был их запомнить и повторить. Кроме того, с Шубиным занимались несколько специалистов, которые учили его разным разведывательным навыкам. Капитана учили устраивать тайники для хранения рации и документов. Но самые необычные занятия с Шубиным проводил пожилой штатский, внешне похожий на индуса. По-русски он говорил с сильным акцентом. Он учил разведчика управлять своим телом. Так, Шубин научился задерживать дыхание до полной остановки — и, наоборот, ускорять жизненные процессы, так что у него повышалась температура, ускорялась циркуляция крови и открывались уже залеченные раны. Правда, времени на эту последнюю подготовку явно было отведено мало, на что «индус» сетовал. Он говорил, что Шубин — талантливый ученик, и если бы им дали для занятий не пять дней,

а два-три месяца, можно было достичь отличных результатов.

Но полковник Уколов не собирался давать такой срок.

— Через пару месяцев мы уже на Украине должны быть, — говорил он. — А Ростов должен находиться у нас в тылу. Так что обойдешься тем, что есть. Скажи: температуру ты научился повышать?

— Научился, — ответил Шубин. — Но Давид Барагорович говорит...

— Знаю я, что он говорит, — прервал Глеба Уколов. — Что тебе еще позаниматься нужно. Может, и нужно, но времени нет. Ты лучше скажи: данные для контакта с резидентом ты запомнил?

— Да, тут я все помню, — ответил разведчик. — Повторить?

Уколов велел повторить, и Шубин в который уже раз принялся рассказывать, как он будет искать резидента. Советского разведчика в Ростове звали Роберт Альбертович Петерс. По национальности он был латыш, но, живя в Риге, пользовался немецким языком, и тот стал для него как родной. Теперь в Ростове Петерс выдавал себя за немца, и это у него успешно получалось. Он служил переводчиком в штабе генерала Гота, был там на хорошем счету. Правда, как рассказал Шубину Уколов, в последний месяц положение Пе-

терса осложнилось. Резидент почувствовал, что немцы перестали ему доверять. В отведенной ему комнате был незаметно проведен обыск. Обыск старались провести незаметно, но Петерс, будучи человеком опытным, заметил, что в его вещах копались. Стало ясно, что резидента могут в ближайшее время раскрыть, а значит, ему надо бежать. Устройство Шубина в немецкий госпиталь должно было стать последним действием резидента на своем посту.

Самый сложный момент операции Шубина состоял в том, чтобы благополучно добраться до станицы Манычской, где располагался штаб Гота, и встретиться там с Петерсом. Капитан решил воспользоваться для этого образом, который стал для него уже привычным — на время стать немецким дорожным инспектором. Он уже использовал этот образ во время прошлых операций, и этот опыт был вполне успешным.

...Пять дней подготовки пролетели, как одна минута. И вот 31 декабря, в новогоднюю ночь, Шубин, одетый в форму немецкого дорожного инспектора, снабженный всеми необходимыми документами, ехал в штабной машине, которая направлялась в сторону фронта. Переход фронта планировался в районе поселка Зимовники, где шли тяжелые бои. Это место для перехода выбрали потому, что немцы здесь отступали, фронт был нестабильным, и можно было най-

ти брешь, в которую мог просочиться советский разведчик. Кроме того, поселок Зимовники играл особую роль в легенде Шубина — в нем, согласно легенде, ранили немецкого ефрейтора Кнехта, в шкуре которого Шубину предстояло жить ближайшие три недели. Надо было присмотреться к местности, запомнить, где здесь дорога, где течет река, чтобы потом уверенно отвечать на вопросы, если такие вопросы у кого-то возникнут. Ну, а время для перехода фронта выбрал полковник Уколов. Он решил, что в новогоднюю ночь, как и в ночь перед Рождеством, немцы будут думать о празднике, а не о несении службы. Он готов был пожертвовать собственным застольем в штабе, лишь бы лично наблюдать за переправкой Шубина на другую сторону фронта.

Погода в эту новогоднюю ночь была на стороне разведчиков. С утра небо хмурилось, а потом начался снегопад. К вечеру он усилился, превратившись в настоящую метель. Снег залеплял глаза, уже в десяти шагах ничего видно не было. До Нового года оставалось пять минут, когда из метели, прямо перед капотом машины, возник человек в офицерской шинели, который приветственно махнул рукой. Машина остановилась, Уколов и Шубин вышли из нее.

— Ну, что, лейтенант, какова обстановка? — спросил Уколов.

— Все в порядке, товарищ полковник, — ответил тот. — Ребята докладывают, что немцы всю отмечают Новый год, в блиндажах слышны песни. Часовые, конечно, стоят на постах, но у них внимание тоже ослаблено. Так что пройти можно будет.

— А мотоцикл здесь?

— Так точно, еще вечером пригнали. Все системы исправны, ребята проверили; бензобак доверху залили горючим.

— Хорошо.

Уколов повернулся к Шубину.

— Ты как, капитан, прямо отсюда поедешь или хочешь сначала машину через линию фронта перевести, а только потом на мотоцикл садиться? — спросил он.

— Нет, отсюда ехать нельзя, — ответил разведчик. — Враз засекут. Придется за рога вести.

— Ну, тогда с богом, — сказал начальник фронтовой разведки.

Они пожали друг другу руки, Шубин кивнул лейтенанту, который позаботился о его переходе, взял мотоцикл за рога и повел его прямо через снежное поле вперед, на юг. Вскоре провожавшие его люди скрылись в метели. Шубин шел и шел, время от времени поглядывая на компас. Он знал, что примерно в километре от линии фронта он должен выйти на дорогу, которая вела из Зимовников на юг, к Ростову. Надо

было протащить тяжелую машину этот километр через ухабы, через сугробы, которые росли прямо на глазах. Но сил у Шубина всегда хватало, упрямота тоже, так что он двигался вперед, хотя и медленно. И спустя час увидел впереди насыпь. Трудно было вкатить мотоцикл наверх, но разведчик справился. И вот наконец он оказался на трассе.

Теперь дело пошло легче. Шубин сел в седло, запустил мотор. Хотя и не с первой попытки, но двигатель завелся, разведчик крутанул ручку газа — и покатил вперед. До станицы Манычской, где располагался штаб Гота, ехать было недалеко — всего около тридцати километров. Время еще не подошло к двум часам ночи, когда Шубин подъехал к станице. Немного поплутав по ней, отыскал штаб. Поставив мотоцикл возле крыльца, поднялся на крыльцо и попросил часового:

— Скажи, камрад, я не могу зайти, минутку погреться у вас в штабе? А то я весь день в седле, дежурил на дороге, регулировал движение машин к фронту. Я бы посидел четверть часа в тепле, да и поехал к себе, сдавать дежурство.

Дорожных инспекторов обычно не любят, но часовой не был водителем и никогда не сталкивался с придирчивыми стражами дорог. К тому же этот незнакомый ефрейтор обращался к нему так заискивающе, так просил, что отказать ему

было трудно. И часовой пропустил его в штаб, объяснив, что тому ни в коем случае не нужно идти в главное помещение, где проходят заседания штаба. А нужно, войдя в дом, повернуть направо. Тогда попадешь в дежурку, в которой всегда тепло, и там можно погреться.

Шубин не слишком внимательно слушал эти объяснения. Дело в том, что расположение комнат в штабе генерала Гота он знал наизусть — выучил его, еще когда готовился к операции. Поэтому, войдя в штаб, он уверенно повернул в нужную сторону и быстро отыскал нужное помещение. Войдя в него, он увидел небольшую комнату, где вдоль стен стояли койки; на них спали часовые, чья смена еще не наступила. А в центре комнаты стоял стол, и за столом сидел человек лет сорока, с большой залысиной, в мешковато сидящем мундире со знаками капитана.

Шагнув в комнату, Шубин сказал:

— Вижу, вы тоже не спите в новогоднюю ночь, господин капитан? Ждете, когда придет Санта-Клаус с подарками?

— Нет, ефрейтор, — не оборачиваясь, ответил человек в мешковатом мундире. — Я давно не верю в Санта-Клауса.

И только после этого, обернувшись, он внимательно посмотрел на вошедшего. А Шубин, в свою очередь, так же внимательно смотрел на переводчика капитана Петерса. Он смотрел на